

Дэвид Любэн

Превентивная война*

Любэн Дэвид – университетский профессор, профессор права и философии. Центр права Джорджтаунского университета, Вашингтон, округ Колумбия, США, Georgetown University. 600 New Jersey Ave., N.W. Washington, D.C. 20001, USA, e-mail: luband@law.georgetown.edu

Естественной стартовой точкой для обсуждения проблемы превентивной войны является теоретическое обоснование легалистской парадигмы, предложенное Майклом Уолцером. Автор перерабатывает ее в духе консеквенциализма правил и использует для решения вопроса, может ли быть морально оправданной общая доктрина превентивной войны, позволяющая предотвращать любые сравнительно удаленные во времени угрозы. Его ответ отрицателен. Следуя за Уолцером, он опасается, что, дав зеленый свет превентивной войне, общая доктрина сделает войны слишком частыми и неотделимыми от нормальной, повседневной политики. Однако он считает также, что более ограниченная доктрина превентивной войны, позволяющая применять вооруженную силу против государств-изгоев в случае серьезной угрозы с их стороны, является вполне здоровой. Хотя в ее отношении имеется небольшой подвох. Только сама страна, подвергающаяся угрозе, а не какие-то третьи стороны имеют право вести такую превентивную войну (и это значит, что ограниченная доктрина, скорее всего, не покрывает случай Иракской войны 2003 г.). Затем автор подробно рассматривает другие ограничения, присутствующие в морально обоснованной доктрине превентивной войны. Если превентивные военные действия против государств-изгоев, создающих серьезные угрозы, допустимы, то вполне естественно расширить доктрину на государства-изгои, связанные с террористическими организациями. Однако это расширение касается только тех случаев, когда такие организации представляют крупномасштабные угрозы. Так, сосредоточенность «Стратегии национальной безопасности США» на вопросе об оружии массового уничтожения создает разумное ограничение для возможных войн против государств, связанных с террористами. Число допустимых превентивных войн должно быть ограничено теми ситуациями, в которых имеется физическая угроза народу и отечеству. Ответ на угрозы экономическому интересу в повышении уровня жизни в эту категорию не попадает. Не попадает в нее и ответ на угрозы, тяжесть которых не связана с намеренными действиями потенциального объекта превентивного удара. В противном случае доктрина превентивной войны будет оправдывать слишком большое количество войн.

Ключевые слова: политическая этика, консеквенциализм правил, общая доктрина превентивной войны, ограниченная доктрина превентивной войны, государства-изгои

* Перевод выполнен по изданию: Luban D. Preventive War // Philosophy & Public Affairs. 2004. Vol. 32. No 3. P. 207–248. В него вошли три центральных раздела этой большой статьи, в которых автор формулирует собственный подход к проблеме, в оригинальном издании с 218 по 236 страницу. – *Примеч. пер.*

Оценка аргумента в пользу превентивной войны

Аргумент в пользу превентивной войны включает в себя два простых тезиса. Тезис I: **превентивная война защищает такое положение дел, которое достойно защиты** (безопасность собственного государства). Тезис II: вести войну сейчас – это лучший выбор по сравнению с тем, чтобы вести ее позднее. Насколько хорош этот аргумент? С точки зрения Майкла Уолцера, он не очень хорош, и я согласен с его анализом. Уолцер предлагает консеквенциалистское возражение. Оно состоит в том, что, даже если оба приведенных выше тезиса правильны, государствам все равно было бы лучше именно на консеквенциалистской основе не принимать их, поскольку это привело бы к «бесчисленным и безрезультатным войнам». Оба тезиса снижают планку, определяющую допустимость военных действий, и увеличивают вероятность того, что войны станут слишком частыми. Однако Уолцер считает, что самое фундаментальное возражение против аргумента в пользу превентивной войны совсем не является консеквенциалистским. По его мнению, расчеты, которые требуются для того, чтобы подтвердить тезисы I и II, **а равно и консеквенциалистское возражение** им, скорее всего, невозможны. «Подумайте о том, каким должен был бы быть уровень осведомленности, чтобы сделать необходимые расчеты о том, какие эксперименты пришлось бы провести, о войнах, в которые пришлось бы вступить и от которых пришлось бы отказаться!»¹.

Основное возражение Уолцера относительно превентивной войны заключается не только в том, что такая война сделала бы вооруженные столкновения слишком частыми, а в том, что она сделала бы их обычным явлением. Ахиллесовой пятой консеквенциализма всегда была его ужасающая готовность расценивать потерю человеческой жизни как всего лишь один из видов издержек при ведении дел, рассматривать саму эту жизнь как одно благо среди прочих; благо, которым можно пожертвовать, испытывая не больше колебаний, чем в случае с другими благами, если, конечно, расчет клонится именно в эту сторону. Говоря словами Уолцера, утилитаристские доводы делают войну обычным явлением, поскольку, «подобно Клаузевицеву описанию войны как продолжения политики другими средствами, они радикально недооценивают важность перехода от дипломатии к применению силы. Они не видят той проблемы, которую создают убийство и перспектива быть убитым»².

Аргумент Уолцера, как я понимаю, не является безоговорочным возражением против перехода от дипломатии к применению силы или к убийству. Иначе это был бы пацифистский аргумент, а легалистская парадигма, позволяющая сражаться против агрессора, не является пацифистской доктриной³. Вполне возможно, что он имеет в виду следующее: простое предположение по поводу будущей угрозы никогда не может оправдать реальной неизбежности убивать и быть убитым на превентивной войне. Однако такой вывод, безусловно, зависел бы от качества оценки рисков и масштаба надвигающейся опасности. Поэтому я полагаю, что Уолцер имеет в виду нечто иное, а именно то, что док-

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y., 1977. P. 77.

² Ibid. С. 79.

³ Развернутое определение легалистской парадигмы см. во вводной статье «Современные трансформации теории справедливой войны» в этом номере журнала.

трина превентивной войны делает войну в слишком большой степени частью обычной политики (*politics as usual*). **Конкретизируя это рассуждение, мы могли бы сказать следующее.** Согласно доктрине превентивной войны, каждому государству разрешается – а в играх с жизнью и смертью разрыв между «разрешенным» и «пруденциально требуемым» сужается до их неразличимости – основывать свое решение о начале войны на оценках угрозы, которую другое государство создаст его жизненным интересам в будущем. Итоговое решение в этом случае зависит от того, какую стратегию избирает другое государство и какие военные приготовления оно предпринимает. И если вы основываете свое вступление в войну на том, какую стратегию выберет противник, и этот его выбор отстоит на один или несколько шагов от неотвратимого нападения на вашу страну, то ваше решение будет соответствовать обычной шахматной игре «политики силы» (*Machtpolitik*). **Вместо того, чтобы превратить в законный повод к войне угрозу неотвратимого нападения – безошибочный сигнал того, что противник уже перешел границу между дипломатией и применением силы, – доктрина превентивной войны делает таким поводом набор политических решений, которые не сильно отличаются от тех, которые государства принимают постоянно, например решений о принятии программ развития вооружений, формировании союзов, размещении войск.** Доктрина превентивной войны инкорпорирует объявление войны в репертуар обычной политики, и это именно то, что призван предотвратить ООНовский режим, порожденный бойней Второй мировой войны.

Данный ход рассуждения снова превращает аргумент в консеквенциалистский: превентивная война недопустима, поскольку она слишком похожа на агрессию, а опыт показывает, что рутинизация агрессии стоит слишком большой крови и слишком больших страданий. Если точнее, это уже консеквенциализм правил: моральные и юридические нормы, допускающие применение превентивных войн, легитимизируют войны на условиях, которые слишком близки к рутинизации агрессии. Причина, по которой Уолцер тем не менее рассматривает данное рассуждение как неконсеквенциалистское (как мне кажется и как мы это видели ранее) состоит в том, что на его основе порожаемое агрессией нарушение суверенитета другого государства является в большинстве случаев недопустимым независимо от его последствий⁴. Таким образом, превентивная война расценивается как преступление, поскольку поводом для начала войны являются решения другого суверенного государства, касающиеся вопросов его внутренней политики, и эти решения невозможно рассматривать в качестве нападения или неминуемого нападения (иными словами, они представляют собой законное воплощение права на самоопределение).

Учитывая мою критику акцентирования Уолцером права на самоопределение, нет ничего удивительного в том, что я отвергаю неконсеквенциалистскую версию этого аргумента, которая без достаточных оснований рассматривает ответ на вопрос, какими правами обладает суверенное государство, в качестве самоочевидного⁵. Однако и консеквенциалистский аргумент представляется

⁴ В большинстве случаев, поскольку Уолцер допускает некоторые исключения в соответствии с так называемыми «правилами пренебрежения» (см.: *Ibid.* P. 86–108).

⁵ Упомянутая автором критика Уолцера содержится в не вошедших в данный перевод первых разделах статьи. – *Примеч. пер.*

мне вполне достаточным для обоснования запрета на агрессивную войну. Возражение Уолцера о невозможности проведения консеквенциалистских расчетов в беспорядочных человеческих делах вполне разумно. Но вряд ли нам нужны изощренные расчеты для того, чтобы заметить, что именно те государства, для которых агрессивная война представляла собой «политику, проводимую другими средствами», безжалостно уничтожили в двадцатом столетии десятки миллионов людей. Если Уолцер хочет сказать, что нет никаких свидетельств в пользу того, что запрет превентивной войны способствовал бы спасению жизней людей, то на это можно ответить, что нет никаких свидетельств в пользу того, что *любая* доктрина справедливой войны спасает жизни, просто потому что государства слишком часто пренебрегают моральными и правовыми нормами. Проверкой моральной нормы должно быть не то, что она действенна, а то, что она была бы действенна в том случае, если бы государства по большей части следовали ей⁶. Легалистская парадигма, даже если в нее внести изменения, касающиеся допустимости гуманитарных интервенций, скорее всего, пройдет эту проверку.

Следуя той же логике рассуждения, я считаю консеквенциалистский аргумент Уолцера против превентивной войны, который он сначала формулирует, а потом отклоняет, весьма убедительным. Напомню, что данный аргумент заключается в том, что, даже если тезисы I и II иногда верны, было бы лучше, чтобы государства отказались от расчетов, связанных с ними, и от превентивных войн, поскольку данные тезисы устанавливают слишком низкий порог и способствуют существенному учащению войн между теми государствами, которые принимают норму, вытекающую из обсуждаемых тезисов. Чтобы подтвердить интуитивное убеждение Уолцера, предположим, что ныне существующая система правил ООН заменена на доктрину, допускающую одностороннюю превентивную войну⁷. В своей простейшей форме доктрина превентивной войны сводится к следующему: война (в том числе захватническая) допустима в условиях возникающей угрозы, если нанесение удара первым и более ранняя схватка с противником будут выгоднее, чем ожидание момента, когда его нападение станет неминуемым. В таком виде доктрина позволяет государствам слишком многое. Даже Генри Киссинджер, не совсем «голубь», в преддверии войны в Ираке 2003 г. предостерегал от превращения превенции в «универсальный принцип, пригодный для использования каждой нацией»⁸. Киссинджер заметил, что признание допустимости начинать войну превентивно дало бы Индии и Пакистану право напасть друг на друга. И данный пример не единственный. В эпоху холодной войны такое признание вело бы к оправданию первого удара СССР по США или наоборот, если, конечно, для кого-то

⁶ «По большей части следовали бы ей» отлично по смыслу от «всегда следовали бы ей». Если бы тестом на действенность нормы, регулирующей инициативное использование силы, была формулировка «всегда будут ей следовать», то корректной нормой, вероятно, являлся бы пацифизм. Под «следованием норме по большей части» я подразумеваю следующее: большинство государств большую часть времени соблюдает данную норму, и они соблюдают ее, потому что сохраняют ей верность, а не по каким-то совершенно внешним причинам; а некоторые государства не будут ее соблюдать, почему и необходимо, чтобы нормы реагирования на неподчинение существовали изначально.

⁷ Здесь, как и в других случаях в данной статье, я не буду останавливаться на проблеме гуманитарной интервенции.

⁸ Kissinger H. Our Intervention in Iraq // Washington Post. 2002. Aug. 12.

из них сложилось бы окно благоприятных военных возможностей. Сегодня при наличии таких возможностей оказались бы оправданными первые удары Северной Кореи и Японии, Эфиопии и Эритреи, Конго и Руанды, Израиля и Сирии, Сербии и Македонии – иными словами, любых пар государств, которые находятся в горячих точках планеты⁹.

Однако проблема заключается не только в том, что доктрина, допускающая превентивные войны, расширяет категорию оправданных военных действий. Она заключается и в том, что происходит такое расширение этой категории, при котором в нее попадают ситуации, где бремя суждения (*burdens of judgment*) и слабость нашей способности суждения (*infirmities of judgment*) играют неустрашимую роль. Я использую термин «бремя суждения» примерно в том же значении, в котором его использует Дж. Ролз, а именно: чтобы подчеркнуть неизбежность расхождения оценок, выносимых разными разумными людьми¹⁰. Под «слабостью способности суждения» я подразумеваю тот факт, что оценки людей в важнейших вопросах, связанных с высоким риском, редко бывают рациональными. Вспомните аргумент Уолцера: учитывая невозможность экспериментирования и сложность прогнозирования последствий, нам всем было бы лучше, если, отталкиваясь от консеквенциалистских оснований, каждый отказался бы от консеквенциалистских расчетов. У лиц, которые принимают решения, даже если предположить, что они действуют добросовестно, не имеется никаких способов оценить вероятность потенциальной угрозы хоть с какой-то степенью точности. И после того, как превентивная война начнется, никто и никогда не узнает, были ли их предположения о потенциальной угрозе верны. Даже лидеры государства, создающего угрозу, могут не знать своих намерений в среднесрочной перспективе. Если добавить сюда растяжимость критериев, определяющих приемлемый для государств уровень риска (вопрос, при решении которого бремя суждения и слабость способности суждения оказывают особенно большое влияние), то проблема станет еще яснее: доктрина превентивной войны делает слишком вероятным начало «бесчисленных и бесплодных» войн.

И действительно, данная доктрина сама превращает соперничающие государства в потенциальную угрозу друг для друга, поскольку она допускает превентивное вторжение потенциального противника, основанное на таких расчетах риска, которые настолько неопределенны, что противостоящая сторона не может их предсказать. А следующим шагом доктрина превентивной войны предоставляет соперникам право атаковать друг друга, поскольку каждый из них из-за нее уже превратился в потенциальную угрозу для другого. В соответствии с образным рядом Томаса Шеллинга: всегда существует возможность, что мне придется застрелить моего соперника в порядке самообороны, чтобы не дать ему застрелить меня в том же самом порядке¹¹. Доктрина превентивной

⁹ Нельзя при этом отрицать, что легитимность значительного количества таких войн может быть поставлена под сомнение на основе других ключевых положений теории справедливой войны, таких как соразмерность и необходимость. Выражаю благодарность Джеффу Макмахану за замечание.

¹⁰ Rawls J. The Domain of the Political and Overlapping Consensus // Rawls J. Collected Papers. Cambridge, 1999. P. 476–478.

¹¹ Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Cambridge, 1980. P. 232. Анализ, проведенный Шеллингом в гл. 9 «Взаимный страх внезапного нападения», имеет большое значение для обсуждаемой нами проблемы – проблемы взаимного опасения превентивного нападения.

войны превращает стрельбу в оправданный выбор для каждого из нас и тем самым разрушает любое неустойчивое равновесие, поддерживаемое на основе широко распространенного запрета на инициативное применение силы.

Эти три свойства общей доктрины превентивной войны: 1) расширение категории допустимых войн, 2) включение в эту категорию ситуаций, в которых неизбежно задействованы бремя суждения и слабость способности суждения, 3) превращение государств-соперников в законный объект превентивных военных действий друг для друга – объясняют, почему данная доктрина объявляет допустимым слишком многое. Четвертое возражение возникает, когда мы обратим внимание на перспективу того, что превентивными войнами могут злоупотреблять государства, действующие недобросовестно. Они могут завышать уровень угрозы и представлять общественности факты под выгодным им углом зрения. Война против Ирака 2003 г. подчеркивает эту опасность¹². Тем не менее я не хочу переоценивать роль того возражения против превентивной войны, которое основано на возможности недобросовестного использования доктрины, поскольку моральный вопрос о статусе превентивных войн относится к их допустимости именно в тех случаях, когда государства действуют добросовестно. Для меня очень важно, что первые три аргумента применимы даже тогда, когда государство действует добросовестно, и это значит, что они являются более сильными возражениями против общей доктрины превентивной войны.

Аргумент от умиротворения агрессора и случай государств-изгоев

Сторонники превентивной войны сделали иные выводы из уроков Второй мировой войны, нежели основатели ООН. Если бы Великобритания и Франция были бы готовы начать превентивную войну против Гитлера до того, как он завершил перевооружение армии, то мировой войны можно было бы избежать. Урок 1930-х гг. состоит в том, что щепетильность по отношению к превентивным войнам приводит к умиротворению агрессора, которое, в свою очередь, ведет к войне. Этот урок учит, что настоящая проблема может заключаться не в слишком большом, а в слишком малом количестве превентивных войн. По сути, данный вывод, встроенный в тезис II из приведенного выше аргумента в

¹² В момент написания статьи (март 2004 г.) стало ясно, что Ирак не имел крупного арсенала оружия массового уничтожения и, даже более того, что аргумент в пользу проведения превентивной войны, основанный на наличии такого оружия, использовался лидерами США недобросовестно (см. доклад фонда Карнеги: *Cirincione J. et al. WMD in Iraq: Evidence and Implications*. Washington (D.C.): Carnegie Endowment for International Peace, 2004). На странице 53 имеется наглядный пример недобросовестных утверждений, взятых из речи президента Буша в Цинциннати. И это не единственный пример, подробно изложенный в этом докладе. Выводы о несуществовании оружия массового уничтожения и недобросовестных действиях политиков поднимают особые проблемы: даже если Ирак не располагал значительным количеством такого оружия, аргумент в пользу превентивной войны мог бы использоваться вполне добросовестно, с опорой на вполне достоверные данные разведки о том, что в каком-то количестве оно у Ирака все же было, и наоборот, даже если оружие массового поражения у Ирака имелось, недобросовестность использования этого довода в пользу начала военных действий подчеркивает всю опасность такой доктрины превентивной войны, которая разрешает слишком многое.

пользу превентивной войны, заключается в следующем: «Ожидание означает не предотвращение войны, а лишь ту же самую войну, но в больших масштабах и при худшем раскладе».

Как мы увидим далее, такой аргумент не лишен достоинств. Однако в той, скорее журналистской манере, в которой я его изложил и которая, по моему мнению, вполне соответствует стилю сторонников этого аргумента, он подменяет анализ оскорблением. Слово, начинающееся на «У», эмоционально и оценочно нагружено: каждый знает, что умиротворение агрессора – это безответственно, безвольно и попросту плохо¹³. Именно поэтому сторонники превентивной войны швыряются этим словом в своих противников, чтобы очернить политику, которая их не устраивает, в данном случае – политику, позволяющую противнику вооружаться, не будучи атакованным. Но они должны не просто сказать, что слово, начинающееся на «У», относится к такой политике, а доказать это. Последнее особенно важно, учитывая, что противоположная политика, политика нападения на соперников в тот момент, когда они пытаются нарастить свой потенциал, подталкивает сильные государства к принятию программы бесконечного насильственного подавления своих более слабых оппонентов.

Параллели с предвоенной политикой Англии и Франции приобретают исторический смысл только тогда, когда мы фокусируем свое внимание на конкретных характеристиках гитлеровского режима. С самого начала своей политической карьеры Гитлер защищал агрессию, возвеличивал насилие и воплощал в жизнь все, что проповедовал. «Майн Кампф» и немецкие штурмовики совсем не были государственной тайной¹⁴. Перевооружение Германии и ремилитаризация Рейнской области должны были сделать намерения Гитлера очевидными за годы до Мюнхенских соглашений. Тем не менее приверженцы политики умиротворения предпочли игнорировать зловещие предзнаменования и вели себя так, будто они верили лживым речам Гитлера о его миролюбивых намерениях¹⁵. Если бы их оценка ситуации была правильной, то политика

¹³ Русское слово «умиротворение» само по себе не имеет тех коннотаций, на которые опирается Любэн, использующий английское слово *appeasement*. Применяя слово «умиротворение», невозможно оскорбить оппонента. Вероятно, в этом контексте лучше было бы использовать негативно нагруженное русское слово «попустительство». Однако термин *appeasement* является стандартным обозначением для предвоенной политики Великобритании и Франции в отношении гитлеровской Германии, на основе анализа которой построена нормативная аргументация Любэна. Русскоязычная историческая литература использует по отношению к этой политике именно понятие «умиротворение», поэтому из соображений единообразия я перевожу *appeasement* как «умиротворение» во всех случаях. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Как подчеркивает Уолцер, критикуя политику умиротворения агрессора. (См.: *Walzer M. Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations* P. 68.)

¹⁵ В действительности их мотивы были более сложными, чем абсолютная доверчивость или столь же абсолютная бесхарактерность. Великобритания хотела усиления Германии в качестве противовеса Советскому Союзу и перехитрила сама себя, полагая, что в этом отношении перевооружение немецкой армии не столь уж плохая идея. Чемберленовское умиротворение в Мюнхене частично было следствием антивоенного общественного мнения в Великобритании, а также отражало сугубо военные прогнозы: в 1938 г. Великобритании требовались месяцы для обретения военного потенциала, необходимого для разгрома Гитлера (я благодарен Джереми Уолдрону и редактору журнала «Философия и общественные дела» за напоминание об этих тонкостях истории, которые часто забываются). Для того чтобы сформулировать аргумент в пользу превентивной войны, отталкивающий от ошибок политики умиротворения, мы должны представить превентивное нападение на Гитлера раньше 1938 г., возможно, даже в 1935 г., когда Закон о чрезвычайных полномочиях, «Ночь длинных ножей»

умиротворения, возможно, помогла бы избежать кровавой континентальной войны, и в этом случае реалисты могли бы использовать сегодня слово «умиротворение» как синоним благоразумной осторожности¹⁶. Но умиротворители имели достаточные основания, чтобы не верить лжи Гитлера, и поэтому политика умиротворения была не верна. Мораль этого исторического сюжета такова: превентивная война может быть оправдана (если ее вообще можно оправдать) только против стран-изгоев, таких как гитлеровская Германия, т. е. государств, которые явно демонстрируют наращивание военной мощи с агрессивными намерениями. Рассуждая в терминах легалистской парадигмы, здесь можно сделать важное замечание. Что касается государств-изгоев, разница между превентивным и упреждающим ударом уменьшается до полного ее исчезновения, поскольку траектория политики государства-изгоя превращает его в «неминуемо» нападающую сторону, если, конечно, мы характеризуем неминуемость в вероятностных, а не в темпоральных категориях. Ранее я определял превентивную войну как такую форму упреждающей войны, для которой смягчено требование (временной) неминуемости¹⁷. Теперь мы можем изменить формулировку: превентивная война – это упреждающая война, для которой требование неминуемости рассматривается не во временном, а в вероятностном аспекте. Следовательно, упреждающая война становится частным случаем превентивной, и моральная основа для обоснования упреждающих ударов – необходимость защиты от вражеской атаки, которая почти неизбежна, – применяется как в общем случае, так и в частном.

Какие критерии определяют государство-изгоя? Для целей доктрины превентивной войны наиболее важными характеристиками являются милитаризм, идеология, одобряющая насилие, история использования насилия, подкрепляющая эту идеологию, наращивание способности быть реальной угрозой для других государств¹⁸.

и начало перевооружения страны сделали очевидной экстраординарную природу его режима, и, конечно, в 1936 г., когда Гитлер пренебрег предостережениями своих собственных генералов и вторгся в Рейнскую область. Не следует забывать, что политика отступления перед Гитлером началась за много лет до встречи в Мюнхене и, возможно, была одной из причин того, что Великобритания и Франция оказались слишком слабы для нападения на Германию в 1938 г. Несмотря на эти тонкости, представляется очевидным, что легковерие является важной составляющей политики умиротворения 1930-х: если бы англичане и французы понимали, что Гитлер лжет, то их упорное нежелание действовать было бы необъяснимым, ведь они осознавали бы при этом, что Гитлер действительно намеревался сделать все то, о чем вещала его пропаганда, и что война неизбежна. Однако это касается не только одураченных Гитлером умиротворителей. До Мюнхена даже Черчилль предполагал, что Гитлер может оказаться одним из тех «великих деятелей, чья жизнь обогатит историю человечества» (см.: *Churchill W. Great Contemporaries*. L., 1937. P. 225). Черчилль писал: «История... борьбы Гитлера не может быть прочитана без восхищения». И добавил: «Те, кто сталкивался лицом к лицу с Гитлером в политических делах или в личном общении, обнаруживали очень квалифицированное, хладнокровное, осведомленное должностное лицо с хорошими манерами и обезоруживающей улыбкой» (Ibid. P. 228–232). Непреднамеренно употребленное слово «обезоруживающий» оказалось в этом случае очень подходящим.

¹⁶ Я оставляю на стороне вопрос о необходимости нападения Англии и Франции на Германию на гуманитарных основаниях, если их военный потенциал позволял сделать это.

¹⁷ В разделе статьи, не вошедшем в данный перевод. – *Примеч. пер.*

¹⁸ Ролз понимает под «государством-изгоем» государство, чей «режим полагает, что достаточным основанием для вступления в войну является тот факт, что война отвечает или может отвечать рациональным (но не разумным) интересам режима» (*Rawls J. The Law of Peoples*.

В соответствии с этими критериями Ирак при Саддаме Хусейне кажется наглядным примером государства-изгоя, развязавшего агрессивные войны против Ирана и Кувейта, травившего газом тысячи собственных граждан, длительное время поддерживавшего программы по разработке химического, биологического и ядерного оружия. Это не означает, что Соединенные Штаты имели право начать превентивные военные действия против Ирака, даже если Ирак продолжил бы развитие ядерных программ (факт, который сейчас, по всей видимости, не подтверждается)¹⁹. Если судить по преобладающим свидетельствам, ожидавшиеся иракским режимом новые вооружения были бы использованы против Ирана или, возможно, против Израиля, но не против США. Как мы уже установили, это могло бы оправдать превентивную войну со стороны Ирана или Израиля, но не США или Объединенного королевства.

Однако в целом рассуждение наше разворачивается независимо от иракского прецедента. До сих пор я отстаивал два положения. Во-первых, я критиковал неограниченную (*unrestricted*) доктрину превентивной войны. Неограниченная доктрина утверждает, что превентивные войны (в том числе захватнические) допустимы против потенциальных противников, если нанесение первого удара и более раннее вступление в войну выгоднее, чем ожидание нападения врага. Во-вторых, я защищал ограниченную (*restricted*) доктрину превентивной войны. Ограниченная доктрина утверждает, что превентивная война допустима против государств-изгоев, где под последними понимаются государства, чья политика и исторический «послужной список» указывают на очень высокую вероятность, что данное государство наращивает вооружения с воинственными намерениями. Ограниченная доктрина допускает превентивную войну, начатую самой потенциальной жертвой агрессивного нападения государства-изгоя, но не какими-то третьими сторонами.

Cambridge, 1999. P. 90). (Дальнейшее рассуждение Любэна связано с тем, что Ролз использует понятие *outlaw-state*, а Любэн – *rogue-state*. В первом словосочетании акцентируется нахождение государства «вне закона», его изолированность от мирового сообщества, а во втором – «хулиганский» и «подлый» характер его политики. Оба сочетания обычно переводятся на русский язык как «государство-изгой». Далее в этой сноске они передаются как «государство-изгой I» и «государство изгой II». В остальном тексте статьи автор использует только понятие *rogue-state* (*примеч. пер.*.) Государство-изгой I схоже с государством-изгоем II в том виде, в котором я описал его выше, так как они оба создают угрозу войны. Но при детальном рассмотрении эти понятия отличаются друг от друга. Государство-изгой II действительно имеет необходимые средства для создания угрозы, что может характеризовать или не характеризовать государство-изгой I. Таким образом, не каждое государство-изгой II оказывается государством-изгоем I. И наоборот, некоторые государства-изгой II могут прибегать к войне исключительно для продвижения нерациональных, идеологических интересов, и, следовательно, не всякое государство изгой II является государством-изгоем I.

¹⁹ Я оставляю в стороне вопрос, имели ли право США начать гуманитарную операцию против Ирака. По моему мнению, имели, но с важной оговоркой: гуманитарная интервенция может быть оправдана только в том случае, если за ней следует такое вложение энергии и ресурсов, которое достаточно для восстановления подвергшейся вторжению нации. При этом наиболее подходящий момент для начала гуманитарной интервенции в Ираке был в 1988 г., во время проведения сопровождавшейся преступлениями против человечества операции «Анфаль» против курдов. Но это как раз был тот период, когда США поддерживали Ирак, а не противостояли ему. См. подробнее дискуссию о политике США в Ираке в 1980-х гг.: *Power S. A Problem From Hell: America and the Age of Genocide*. N. Y., 2002. P. 171–245.

**Расширение и ограничение доктрины превентивной войны:
террористы, незначительные, но длительно действующие угрозы,
угрозы экономическим интересам**

Соединенные Штаты предложили и несколько иной аргумент для обоснования своей превентивной войны против Ирака, а именно: что зло, которое нужно было предотвратить, заключалось не в нападении Ирака на США, а, скорее, в том, что оружие массового уничтожения, разработанное Ираком, могло попасть в руки террористов. Аналогичное рассуждение по поводу связи между государством, являющимся объектом превентивной войны, и терроризмом якобы оправдывало войну США против Афганистана. И поскольку американская доктрина превентивной войны является частью «Войны против терроризма», она сконцентрирована не только на государствах-изгоях, но и на любых государствах, которые спонсируют террористов, допускают их деятельность или даже просто не в состоянии подавлять их из-за своей небрежности. Поскольку США являются главной мишенью терроризма, то эта доктрина утверждает, что превентивная война против государств, так или иначе причастных к терроризму, подпадает под расширенное право на самооборону. Остается непонятным, находится ли в фокусе этой аргументации связь с терроризмом вообще, как в случае с Афганистаном, или же связь с терроризмом и оружием массового уничтожения, как в случае с Ираком. Последний случай представляется мне относительно прозрачным. Если есть вероятность, что государство получит оружие массового уничтожения и предоставит это оружие террористам, то данный кейс полностью соответствует ограниченной доктрине превентивной войны, которая была обоснована выше. Само государство может и не соответствовать признакам государства-изгоя, но оно предлагает оружие группам, которые им соответствуют, и, значит, потенциальная жертва этих групп имеет право начать превентивную войну, чтобы предотвратить террористическое нападение. Учитывая беспощадность, которую проявляли международные террористы раньше, у нас нет никаких сомнений, что если они будут иметь в своем распоряжении неконвенциональные вооружения, то нападение с их использованием превратится в вопрос времени и, может быть, совсем недалекого.

Но острые вопросы все равно сохраняются. Я с наскоку объединил государства, спонсирующие террористов, государства, допускающие их активность, и государства, которым из-за небрежности не удается ее подавить. Безусловно, между этими государствами есть большая разница, и полностью проработанная версия ограниченной доктрины вынуждена определиться с тем, являются ли государства, которые терпимо относятся к террористам, и государства, которым не удается подавить террористов на своей территории, допустимой целью для нанесения превентивного удара. Если это так, то право начинать превентивную войну становится поразительно широким. Соединенные Штаты имели бы полное право завоевать Россию с ее неконтролируемым черным рынком урана и ядерных разработок, а также Пакистан и Саудовскую Аравию, где Аль-Каида имеет столь существенную поддержку среди населения, что правительства принимают крайне нерешительные меры по борьбе против террористов. Эти поразительные результаты не обязательно означают, что теория неверна. Однако, солидаризируясь с критикой превентивной войны Уолцером

и легалистской парадигмой, я склонен полагать, что общая стратегия разработки ограниченной доктрины должна быть следующей: границы допустимого должны оказаться настолько узкими, насколько это возможно, чтобы не дать зеленый свет «бесчисленным и бесплодным войнам».

По той же причине общее разрешение начинать превентивные войны против государств, связанных с террористическими организациями, независимо от угрозы использования оружия массового уничтожения, кажется слишком широким. Это сделало бы десятки государств законной мишенью для превентивного удара десятков других государств. И даже более того, чтобы сохранить внутреннюю согласованность, доктрина должна была бы признать допустимыми те войны, которые ведутся против государств, укрывающих или спонсирующих любую деятельность, которая создает угрозы, сопоставимые с терроризмом, не использующим оружие массового уничтожения. Таковы деятельность организованных преступных группировок или даже выброс токсичных отходов через границу. Та версия доктрины, которая не включает произвольных элементов, должна сформулировать условия легитимности превентивной войны в отношении а) вероятности реализации потенциальной угрозы, б) ее разрушительных последствий, в) желания или возможности злоумышленника ее устранить, и все это – невзирая на источник вреда. В конце концов, для тех, кто реагирует на фатальную угрозу, смерть всегда является смертью, независимо от того, наступает ли она в результате спонсируемого государством террористического акта или воздействия какого-то вредного вещества, которое то же государство позволяет своим фабрикам выбрасывать в окружающую среду. Это расширяет спектр ситуаций, позволяющих начинать превентивную войну еще больше, что ведет к дополнительным, опасным и контринтуитивным, результатам. Например, если государство по своей воле выбрасывает парниковые газы в больших объемах, оно становится допустимой целью превентивного удара.

Необходимость сформулировать как можно более узкую доктрину превентивной войны привносит и другие ограничения. Например, я предлагал тезис, согласно которому превентивная война против государств-изгоев с моральной точки зрения идентична упреждающей войне против неминуемого нападения, если мы обсуждаем проблему неминуемости в вероятностных, а не в темпоральных категориях. Рассуждать вероятностно, а не темпорально значит утверждать, что нападение обязательно произойдет, если его вероятность превышает некоторый порог неминуемости (скажем, 80 %), вместо того, чтобы утверждать, что нападение неминуемо, если оно произойдет завтра или на следующей неделе. Тем не менее было бы ошибкой рассчитывать итоговую вероятность нападения путем подсчета кумулятивной вероятности с течением времени, поскольку даже относительно невероятные атаки могут достичь высокой кумулятивной вероятности в течение нескольких лет. Идущий далее грубый подсчет хорошо иллюстрирует проблему. Через сколько лет (N) вероятность нападения в определенный момент в течение всех этих лет (p) превысит порог неминуемости (T)? Допустим, что годовая вероятность нападения составляет 10 %, а порог неминуемости – 80 %. В этом случае N будет составлять чуть более 15 лет. То есть при годовой вероятности нападения 10 % существует 80 % вероятность того, что нападение произойдет в течение ближайших 15 лет

и нескольких месяцев²⁰. Хотя 15 лет это период, находящийся за пределами временного горизонта большинства практических политиков, он вполне уместен в границы рационального стратегического планирования и вполне способен вызвать превентивную войну. Однако рассматривать нападение с годовой вероятностью в 10 % как «неминуемое» значит расширить рамки понятия «неминуемое» до его полной неузнаваемости.

Если следовать интуиции, то возникшая трудность такова: 10 % годовая вероятность атаки предполагает, что противник, скорее всего, не имеет намерения нападать. Следовательно, такое нападение не является неминуемым в каком-то реалистическом смысле. Факт превышения кумулятивной вероятностью порога неминуемости за 15 лет отражает вероятность того, что ситуация может измениться или что непредвиденная случайность может стать спусковым крючком для нападения. Но ведь суждение о неминуемости нападения не должно основываться на простой вероятности трагических случайностей или изменения намерений. Поэтому нам надо выйти за рамки исчисляемой вероятности и обратиться к фактам, характеризующим реальное положение дел и обосновывающим цифровые значения: это история противника, его политика и возможные намерения. В случае с Ираком, например, адекватным обоснованием превентивных действий были бы подтвержденные данные о попытках Саддама Хусейна получить ядерное оружие и в случае его получения – передать террористам. Недостаточным основанием для оправдания превентивной войны было бы утверждение о том, что преемники Саддама, кем бы они ни были, могут однажды предоставить оружие массового уничтожения террористам.

Аналогичным образом необходимость сформулировать доктрину превентивной войны предельно узко ведет к тому, что единственной угрозой, позволяющей обосновать превентивную войну, является угроза вооруженного нападения, нарушающего основные права народа того или иного государства, а не угроза его экономическому интересу в сохранении такого уровня благосостояния, который существенно превосходит реализацию основных прав. Расширение доктрины за счет включения в нее интереса в обеспечении высокого уровня экономического процветания могло бы обосновать (возьмем этот яркий пример) нападение Японии на Перл-Харбор. Япония была (и остается) индустриальной экономикой на такой территории, которая практически лишена природных ресурсов. Ее экономика зависит от импорта сырья. Таким был действительный мотив для завоевания Китая. С точки зрения Японии, присутствие ВМФ США в Тихом океане, в особенности на Филиппинах, представляло неприемлемую угрозу экономическому благосостоянию страны. Это означало, что главный конкурент Японии в тихоокеанской торговле мог по своему усмотрению отрезать японцев от доступа к импорту из Австралии и стран Юго-Восточной Азии²¹. Военная цель Японии была довольно ограниченной:

²⁰ Обозначим годовую вероятность нападения потенциального противника p , а порог неминуемости – T . Общий ответ будет соответствовать формуле $N = \log(1-T)/\log(1-p)$. Вероятность того, что атаки в течение N лет не произойдет, вычисляется по формуле $(1-p)^N$, потому что $1-p$ – это вероятность того, что атаки не произойдет в каждый из этих N лет и что N без нападений независимы. Таким образом, формула вероятности нападения в течение N лет: $1-(1-p)^N$. Вероятность достигает порога, когда $1-(1-p)^N = T$. Решение для N приводит к формуле $\log(1-T)/\log(1-p)$.

²¹ Мой анализ опирается на следующую работу: *Friedman G., Lebard M. The Coming U.S. War with Japan. N. Y., 1991. P. 56–85. Она, несмотря на рассчитанное на сенсацию название, содержит глубокий и убедительный анализ застарелой «японской геополитической дилеммы».*

отодвинуть ВМФ США из Тихого океана западнее Гавайев. Если доктрина превентивной войны допускает начало превентивных военных действий против потенциальных экономических угроз, то нападение на Перл-Харбор было оправданным.

Все указанные выше ограничения доктрины превентивной войны вытекают из требования установить узкие рамки допустимости таких войн для того, чтобы избежать принятия принципов, которые оправдывали бы слишком много войн. Критик мог бы возразить против этого, что утверждение о слишком большом количестве войн попадает под вопрос. И этот вопрос таков: «Слишком много – это сколько?». Вспомним, что аргументация в пользу превентивной войны предполагает, что позднее нам все равно придется сражаться, но только с большими потерями и большим риском. Так что, возможно, широкое определение допустимости превентивной войны уменьшит количество насилия.

Я думаю, что именно здесь аргумент Уолцера приобретает свою действительную силу. Откуда кто-то знает об этом без экспериментов, включающих ведение превентивной войны или отказ от нее в схожих обстоятельствах? Ситуация просто не поддается экспериментированию. Она поддается только историческому анализу. А исторические свидетельства по большей части показывают, что государства вступают в войну вне зависимости от преобладающих теорий справедливой войны, просто потому, что они считают, что начать эти войны в их интересах. Данная ситуация очень похожа на ту, которая сложилась бы в случае принятия «расширенного» варианта доктрины превентивной войны и которая привела к страшному разорению Европы в XX столетии. Кроме того, мне кажется, что, когда какая-то версия теории справедливой войны оправдывает множество войн, которые интуитивно кажутся несправедливыми (атака на Перл-Харбор – один из таких примеров), мы вправе скептически относиться к этой версии. Возможно, как полагает Уолцер, у нас действительно имеются хорошие консеквенциалистские основания для отказа от консеквенциалистских аргументов в пользу «расширенного» варианта доктрины превентивной войны²².

Перевод Л.В. Якушева, под ред. А.В. Прокофьева

Авторы отмечают, что послевоенная дружба между Японией и США совершенно не означает, что геополитическое соперничество за торговые пути в Тихоокеанском регионе было иллюзией. Она означает только то, что в период холодной войны США были нужны Японии для обеспечения безопасности, а Япония была нужна США из-за ее стратегического положения, позволяющего контролировать доступ советского ВМФ в Тихий океан.

²² В заключительной части статьи, не вошедшей в данный перевод, Любэн обсуждает возможную оправданность двойных стандартов по отношению к превентивной войне. Принимая внимание особое место США в современной международной политике, определяющееся их превосходящей другие страны военной и экономической мощью, можно было бы предположить, что они наделены полномочиями вести превентивные войны на условиях общей, а не ограниченной доктрины. Не по праву силы, а ввиду того, что только это позволяет поддерживать мировой порядок, опирающийся на ряд ценностей, среди которых центральные – рыночная экономика и права человека. В этой картине международных отношений США играют роль шерифа и должны иметь санкцию на предотвращение готовящихся преступлений. Хотя Любэн не рассматривает тезис о морально оправданных двойных стандартах как аргумент необоснованный, он утверждает, что на настоящий момент его сторонниками не выдвинуто таких аргументов, которые позволили бы отказаться от ограниченной доктрины превентивной войны как общего правила международной политики. – *Примеч. пер.*

Preventive War

Luban David

University Professor; Professor of Law and Philosophy. Law Center, Georgetown University. 600 New Jersey Ave., N.W. Washington, D.C. 20001, USA; e-mail: david.luban@gmail.com

The natural starting place for discussing the problem of preventive war is Michael Walzer's justification of the legalist paradigm. The author recasts it in rule-consequentialist terms. The main question is whether a general doctrine of preventive war to forestall relatively distant threats is morally defensible. The answer is negative. Following Walzer, the author fears that giving a green light to preventive war would make wars too frequent and too routine. However, he believes that a more restricted form of the doctrine, which permits preventive war against serious threats posed by rogue states, is sound. There is a catch, however. The target of the threat, not third parties, may launch preventive war; and this may not cover the case of the Iraq war. Then the author considers in more detail the necessary restrictions on a defensible doctrine of preventive war. If preventive war can be justified against rogue states posing serious threats, it seems natural to extend the doctrine to rogue states involved with terrorist organizations, but only if the terrorist organizations pose large-scale threats: thus the focus on weapons of mass destruction in the National Security Strategy provides a reasonable restriction on preventive war against states involved with terrorism. The permission to launch preventive war should also be restricted to situations in which the target poses physical threats to a state's people and homeland, not simply threats to economic interests in an elevated standard of living; and the gravity of the threats must arise from the intentions of the target state. Otherwise, the doctrine of preventive war justifies too many wars.

Keywords: political ethics, rule-consequentialism, general doctrine of preventive war, restricted doctrine of preventive war, rouge-states

References

- Churchill, W. *Great Contemporaries*. London: Butterworth, 1937. 299 pp.
- Cirincione, J. et al. *WMD in Iraq: Evidence and Implications*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2004. 107 pp.
- Friedman, G., Lebard, M. *The Coming U.S. War with Japan*. New York: St. Martin's, 1991. 429 pp.
- Kissinger, H. "Our Intervention in Iraq", *Washington Post*, 2002 (Aug. 12), pp. A15.
- Power, S. *A Problem From Hell: America and the Age of Genocide*. New York: Basic Books, 2002. 640 pp.
- Rawls, J. "The Domain of the Political and Overlapping Consensus", *Collected Papers*. Cambridge: Harvard University Press, 1999, 672 pp.
- Rawls, J. *The Law of Peoples*. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 208 pp.
- Schelling, T.C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 328 pp.
- Walzer, M. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books, 1977. 416 pp.